

ЮБИЛЕЙ. 18 апреля исполнилось 80 лет Арне Микку, бессменному председателю общества «Эстония», оперному режиссеру, директору Национальной оперы, а в прошлом – артисту хора, солисту оперы, художественному руководителю и главному

Арне Микк и его подарок к

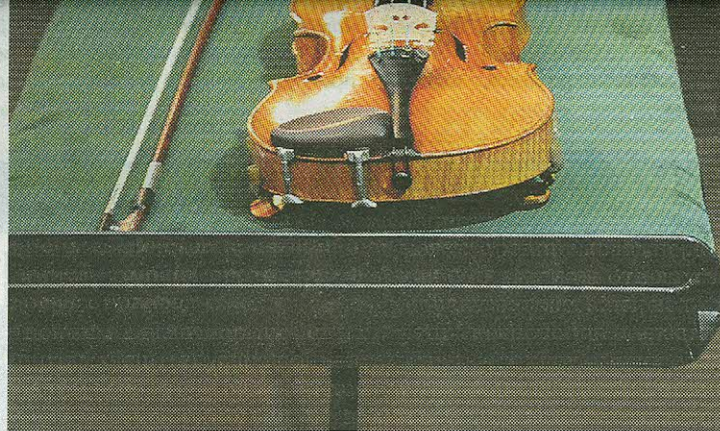
ТАМАРА УНАНОВА

Глядя на этого энергичного, подвижного человека с живым взглядом, благородной осанкой и манерами истинного джентльмена, сложно поверить в то, что он разменял девятый десяток. Кажется, что Арне Микк – как и двадцать, и сорок лет назад – полон идей. Свой юбилей Микк отметил новой работой – постановкой камерной оперы Пауля Хиндемита «Долгий рождественский ужин».

– Вообще-то я не собирался отмечать эту круглую дату, но Айвар Мяз (генеральный директор Национальной оперы «Эстония» – Т.У.) – человек настойчивый – хотел как-то отметить годы моей работы в театре, – улыбается Арне Микк (между прочим, он работает в театре с 1952 года!). – И тогда я вспомнил, что лет пятнадцать назад мой стокгольмский друг рассказывал об опере Хиндемита «Долгий рождественский ужин». Я прежде не слышал этой оперы, а пару лет спустя в Германии случайно наткнулся на клавишник Хиндемита, купил его и перевел текст на эстонский – думал поставить оперу в Зимнем саду театра «Эстония». Тогда из этой затеи ничего не вышло. Когда

ткнулся на клавиш хиндемита, купил его и перевел текст на эстонский – думал поставить оперу в Зимнем саду театра «Эстония». Тогда из этой затеи ничего не вышло. Когда зашла речь о юбилейном спектакле, я предложил поставить «Ужин». Дирижер Велло Пяхн поддержал эту идею: он планирует в следующем сезоне взять в репертуар другую, полновесную оперу Хиндемита «Кардильяк», и «Ужин» мог бы стать для певцов и музыкантов отличным знакомством со стилем композитора. Никто эту оперу у нас не слышал и не видел, мне удалось найти только запись музыки. Несмотря на сложный ритмический рисунок и многообразие ансамблей, наши певцы прекрасно справились со своими задачами. Особенно меня порадовала Янне Шевченко, которая пре-

В «Эстонии» Арне Микк работает более шестидесяти лет.

жде не пела главные партии в опере – только в оперетте.

Четыре поколения Байярдов – Микков

Янне очень хороша и убедительна в роли Люсии, главы

семейства Байярд, – и в вокальном, и в артистическом плане. Впрочем, как и все исполнители, которым удалось представить героев живыми людьми со своими характерами и судьбами. Наверняка многих привлек и сюжет опе-

ры, в основе которого – одноименная драма Торнтон Уайлдера. Думаю, у вас он вызывает какие-то свои ассоциации, воспоминания?

Конечно. Ведь на сцене в течение часа проходит жизнь четырех поколений семьи Бай-

ярд, которые на протяжении 90 лет собираются за одним и тем же праздничным рождественским ужином. В программке даже поместили мою фотографию со старшим сыном, внуком и правнуком – четыре поколения Микков. В

процессе работы я попросил каждого исполнителя рассказать историю своей семьи. Для меня этот спектакль – очень личная история, размышление о бесконечной смене поколений: в одну дверь уходят старики, из другой няня вы-

ФОТО: ПЕЭТЕР ЛАНГОВИТС

Два поколения семьи Байярд за праздничным столом: отец семейства Родерик (Рауно Эльп), его дочь Женевьева (Теэле Йыкс), его жена Люси (Янне Шевченко), нузен Брэндон (Март Лаур) и сын Чарльз (Оливер Куузик) пьют воображаемое вино из воображаемых бокалов. ФОТО: МИХЕЛЬ МАРИПУУ

Жизнь как счастливый

ТАМАРА УНАНОВА

Репертуар Национальной оперы «Эстония» недавно пополнился новым, никогда не ставившимся спектаклем – одноактной камерной оперой немецкого композитора Пауля Хиндемита «Долгий рождественский ужин».

Этот во многих отношениях примечательный спектакль родился благодаря корифею эстонской сцены Арне Микку. Режиссер решил в честь своего 80-летия сделать подарок коллегам по театру, любимой публике и... себе. Ибо это во многом очень личная история.

«Долгий рождественский ужин», последняя из девяти опер Хиндемита, создана на либретто по одноименной пьесе американского драматурга

Торнтон Уайлдера и впервые показана на сцене Национального театра в Мангейме в декабре 1961 года.

Действие происходит между 1840 и 1930 годами на Среднем Западе Америки. На сцене – четыре поколения семьи Байярд, которые раз в год собираются за традиционным рождественским столом и вспоминают ушедших, радуются рождению детей, обсуждают события и болезни, провожают дочь в Германию, оплакивают убитого на войне внука, встречают молодого жениха и занимаются строительством нового дома...

В общем, перед нами – повседневные радости и горести одной буржуазной семьи, жизнь которой весьма напоминает ту, что замечательно опи-

сана в романе Томаса Манна «Будденброки». Примечательно, что автор пьесы и композитор снабдили оперу и пьесу ремарками: все члены семейства Байярд за праздничным столом едят воображаемыми вилками и ножами воображаемую пищу и пьют воображаемое вино. Видимо, дабы подчеркнуть иллюзорность человеческой жизни, тщету борьбы с ее непреложными, высшими законами. Такой философский взгляд на вечный круговорот жизни и смерти.

На сцене две двери: справа – «дверь жизни», из которой няня выкатывает коляску с новорожденным (кстати, тоже воображаемым), а слева – «дверь смерти», куда уходят умирать. Удачная режиссерская находка – стена с

серу и советнику генерального
му режиссеру театра «Эстония».

Юбилею

Арне Микк

- Режиссер, советник гендиректора Национальной оперы «Эстония». Председатель общества «Эстония». Художественный руководитель фестиваля «Дни оперы на Сааремаа».
- Родился 18 апреля 1934 года в Вильянди. В 1961 г. окончил вокальное отделение Таллиннской консерватории (класс проф. А.Ардера). Стажировался в Берлинской Komische Oper (1972) и Большом театре (1974-75). С 1952 года работает в театре «Эстония»: сначала артистом хора, затем солистом оперы, завлитом (1963 – 1966), ассистентом режиссера-постановщика; с 1970 года – режиссер, в 1977-1994 годах – главный режиссер, в 2002-2004 годах – художественный руководитель, с 2004 – советник генерального директора Национальной оперы. Поставил более 60 опер, в том числе на сценах Финляндии, России, Германии, Аргентины.
- У Арне Микка три сына и девять внуков. В 2002 году он был удостоен титула «Отец года».

катывает коляску с ребенком. Такое философское осмысление жизни и смерти.

Вы сами – глава целого клана, в 2002 году вам присудили звание «Отец года». А сами вы тоже из большой семьи? Кто были ваши родители?

Мои родители были крестьянами, так что я с детства знаю, как косят сено и как растет овес. Когда началась коллективизация, родители оставили свою усадьбу и переехали вслед за мной в Таллинн. Здесь отец построил для всей семьи дом – еще одна параллель с нашим спектаклем, где тоже идет речь о новом доме. В

Да, и с 18 лет пел в оперном хоре. Потом, шаг за шагом, стал заниматься режиссурой, был завлитом театра... А в 1969 году поставил первую в своей жизни оперу – «Викерцы» Эвальда Аава.

Отс, Покровский, Хворостовский

Ваши первые шаги в режиссуре связаны с именем Георга Отса, верно?

Именно. Я очень благодарен Георгу Отсу – он пел и в опере «Викерцы», и в «Джанни Скикки» Пуччини, и в «Травиате» Верди в 1974 году. Он уже был болен, род Жермона стал его

Мати Пальм, Урве Таутс... У нас была плеяда великолепных певцов, поэтому театр мог ставить и «Аиду», и «Трубадура», и «Лючию ди Ламмермур», и «Аттилу», и «Луизу Миллер».

Вы брали уроки мастерства у великих оперных режиссеров Вальтера Фельзенштейна и Бориса Покровского. Как это получилось?

После первой же постановки я ощутил поддержку коллег и понял, что могу стать режиссером, если получу соответствующую подготовку и знания. Позволил себе на пять лет уехать в Москву и учиться в ГИТИСе я не мог – у меня уже была семья. Я решил использовать другие возможности для совершенствования. Когда я увидел работы Бориса Покровского и спектакли Komische Oper во время их гастролей в Москве, то решил: вот у кого я должен учиться. И в 1972 году отправился в Берлин, к Фельзенштейну, а в 1974-75 годах весь сезон официально был стажером Большого театра. Это был очень плодотворный период и в Камерном оперном театре Покровского. Я мог каждый день сидеть на репетициях и на спектаклях и в Большом, и в Камерном театрах. Благодаря моим московским друзьям я мог смотреть шумевшие спектакли Любимова, Эфроса, слушать Рихтера, Гилельса... Это была большая школа для меня.

Вы ведь со многими русскими артистами не просто знакомы, но и дружите?

Да, особенно я подружился с Евгением Нестеренко, который согласился спеть на нашей сцене заглавную партию в «Борисе Годунове» в первой

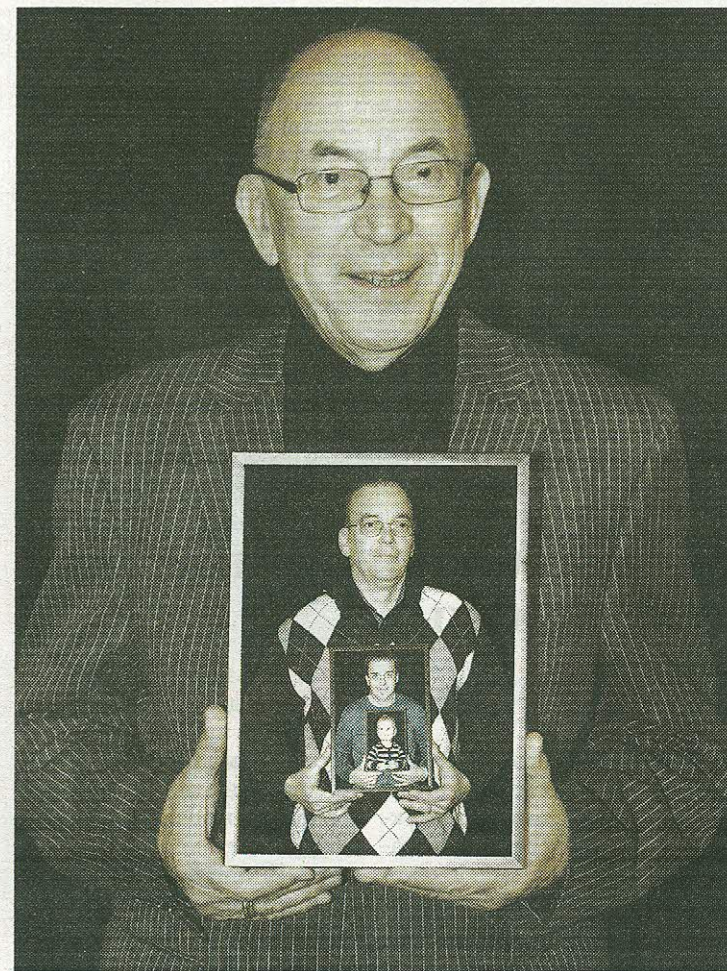
театре Бориса Покровского, – два, в Большом театре – «Риголетто», в Красноярске – «Бориса Годунова», в Шверине – «Евгения Онегина». А еще я поставил «Онегина» в театре «Колон» в Буэнос-Айресе. Это было золотое время! Сначала меня пригласили поставить «Иоланту» – эта опера Чайковского никогда не шла в Южной Америке. Спустя несколько лет вдруг звонят из Буэнос-Айреса: «Не могли ли бы вы за три недели поставить «Евгения Онегина»? Костюмы найдем на складе, декорации будут новые. Заглавную партию будет петь Хворостовский». Так я познакомился с Димой Хворостовским, с тех пор мы дружим. Стараюсь не пропускать спектакли и концерты с его участием, скоро поеду слушать его в Лондон, в театр Ковент-Гарден.

У вас очень насыщенная жизнь – и творческая, и личная, семейная. Вы воспитали трех сыновей. Они все связали свою жизнь с театром?

Старший сын, Яак, когда учился в университете, параллельно, для заработка, был рабочим сцены. Теперь его сын и мой внук – главный машинист сцены. Средний сын, Март, пел в хоре мальчиков, потом учился вокалу и исполнял сольные партии в опере, а сейчас руководит оперной труппой. Младший, Рейн, работает в отделе рекламы, ищет спонсоров для театра «Эстония».

Благодаря моим московским друзьям я мог смотреть нашу

Арне Микк, его сын Яак Микк, его внук Прийт Микк и его правнук Оскар Йоханнес Микк.

фото: лийна виру и прийт микк

и правильно выстроенные мизансцены... Этот принцип лежит в основе системы Станиславского, Фельзенштейна, Покровского. Обо всем этом еще Шаляпин говорил. Он ведь был не только гениальным певцом, но Артистом, для которого был важен весь этот комплекс. В нашем театре образцом такого артиста был Георг Отс. В свое время итальянская школа отличалась более традиционным представлением об опере как об искусстве балетного – «красиво

ние «Травиаты» с Анной Нетребко – постановка Вилли Деккера в Зальцбурге. Но есть вещи, которые я никак не могу принять. Скажем, в Будапеште идет «Лоэнгрин» Вагнера... с бюстом Ленина на сцене. А недавно я смотрел и слушал в Мюнхене «Трубадура». Звездный состав артистов с Йонасом Кауфманом во главе. А на сцене, едва открылся занавес, ходит голая старуха... Очевидно, режиссер хотел показать видение матери Азулен. Но эта сцена никак не

ли свою усадьбу и перебрались вслед за мной в Таллинн. Здесь отец построил для всей семьи дом – еще одна параллель с нашим спектаклем, где тоже идет речь о новом доме. В нашей семье было трое детей, один умер в раннем возрасте, а мы с братом до сих пор живем в родительском доме: он на первом этаже, я – на втором.

Ваш брат как-то связан с театром, музыкой?

Он работал в музыкальной редакции на Eesti raadio, занимался джазом, легкой музыкой. Может, какие-то музыкальные гены у нас от папы, который играл в духовом оркестре.

Вы собирались стать певцом, учились у вокального педагога Александра Ардера...

Именно. Я очень благодарен Георгу Отсу – он пел и в опере «Викерцы», и в «Джанни Скики» Пуччини, и в «Травиате» Верди в 1974 году. Он уже был болен, роль Жермона стала его последней ролью. С этим спектаклем мы ездили на гастроли в Ленинград осенью 1974 года и имели огромный успех. Помог мне и тогдашний главный дирижер «Эстонии» Неэме Ярви, дирижировавший всеми этими спектаклями. «Травиату» мы играли 20 лет, это свыше двухсот спектаклей!

Вам повезло: время вашего становления как режиссера пришлось на годы расцвета оперного искусства Эстонии. Тогда на сцене пели Георг Отс, Маргарита Войтес, Тийт Куузик, Хендрик Крумм... И еще Ану Кааль, Тео Майсте,

комы, но и дружили? Да, особенно я подружился с Евгением Нестеренко, который согласился спеть на нашей сцене заглавную партию в «Борисе Годунове» в первой редакции. И примечательно, что Нестеренко получил Ленинскую премию именно за постановку в Таллинне. Потом он спел новую редакцию – и ездил с нашим театром в Стокгольм и Париж.

Если на премьере нет скандала

Вы никогда не считали, сколько всего поставили опер? Пишут, что больше шестидесяти. Это не так уж важно. Могу перечислить зарубежные постановки: в Финляндии я поставил восемь спектаклей, в Москве, в Камерном оперном

Благодаря моим московским друзьям я мог смотреть нашу-мевшие спектакли Любимова, Эфроса, слушать Рихтера, Гилельса...

Прямо театральная мафия Микков...

Да, можно и так сказать (смеется).

Что для вас в опере главное?

Опера – самый богатый жанр театрального искусства. И самый трудный. В оперном спектакле все важно – и музыка, и пение, и сценическое оформление, и костюмы, и грим, и убедительная актерская игра,

разцом такого артиста был Георг Отс. В свое время итальянская школа отличалась более традиционным представлением об опере как об искусстве бельканто – «красивого пения». Но в XX веке великие оперные певцы Тито Гобби, Марио дель Монако, Мария Каллас, которые были еще и выдающимися актерами, перевернули прежние представления об опере. Мечта оперного режиссера – соединить все лучшие стороны этого жанра и показать на сцене живого человека.

Как вы относитесь к современной режиссуре? Вы приверженец традиционного, классического направления?

Ну, да. Хотя я не отвергаю и нового. Например, мне нравится современное прочте-

Ионасом Кауфманом во главе. А на сцене, едва открылся занавес, ходит голая старуха... Очевидно, режиссер хотел показать видение матери Азучены. Но эта сцена никак не связана с музыкой и мешает восприятию. Признаюсь, мне было очень жаль эту старую даму, которая вынуждена за деньги ходить голой по сцене. Эффект получился обратный: нас хотели привлечь, а получилось наоборот. В Германии говорят: если на премьере нет скандала, значит, спектакль провалился. В театре всегда есть публика, которая хочет быть шокированной, но есть и другая... Я думаю, мода на актуализацию классики пройдет. Ведь главное в оперном спектакле – идея и высокий исполнительский уровень.

рождественский ужин

перевернутыми семейными портретами: каждый раз, когда кто-то в семье Байярд умирает, младший представитель клана переворачивает один портрет. Постепенно стена заполняется лицами...

Режиссер в честь своего 80-летия сделал подарок коллегам по театру, любимой публике и... себе.

Несмотря на печальные события, спектакль – как и сама опера Хиндемита – не оставляет мрачного впечатления, ско-

рее он полон ностальгических чувств и даже чуть сентиментален. Четыре поколения семьи Байярд в исполнении артистов Национальной оперы получились яркими, живыми, наделенными, каждый своими, характерными чертами: солидный глава семейства Родерик (Рауно Эльп), вначале успешный бизнесмен, а затем рано состарившийся больной человек; учительница музыки, чопорная старая дева Женевьева (Тезле Йыкс); алкоголик Брэндон (Март Лаур); весельчак и жизнелюб Чарльз (Оливер Куузик); возмутитель спокойствия, «плохой мальчик», не считающийся с семейными традициями и чувствами старшего поколения Родерик II (Март Мадисте); и, конечно, хранительница очага

Люсия (Янне Шевченко), на наших глазах превращающаяся из счастливой молодой женщины в сторбленную старушку, шаркающей походкой уходящую в дверь слева.

Вокальные партии отличаются прихотливым ритмическим рисунком и разговорной интонацией и не изобилуют мелодиями, что ставит перед певцами непростую задачу. К тому же в опере есть дуэты, терцеты и квартеты. Но, кажется, сложная музыкальная полифония Хиндемита артистам пришлась по вкусу. Камерный оркестр под управлением Ристо Йооста, скрытый за сценой, изящно и стилистически точно прочитал партитуру немецкого композитора – философа и интеллектуала.

Люсия (Янне Шевченко) и ее дочь Женевьева (Тезле Йыкс), рассказывающая матери о своем желании уехать в Германию.